

"ХРОНИКИ ДРАКОНЬЕЙ ИМПЕРИИ"

Алина Узлицкая

ПРИЗВАННАЯ
ДЛЯ ДРАКОНА

16+

Хроники Драконьей империи

Алина Углицкая

Призванная для Дракона

«Автор»

2019

Углицкая А.

Призванная для Дракона / А. Углицкая — «Автор»,
2019 — (Хроники Драконьей империи)

ISBN 978-5-532-08382-0

Что делать, если спокойная, налаженная жизнь пошла под откос? Муж бросил. Ушел к другой женщине, что ждет от него ребенка, а у тебя никогда не будет детей... Только послать все к чертям и напиться до потери сознания. А потом очнуться в незнакомом лесу, помолодевшей на 10 лет, беременной и босой. С удавкой на шее. С безумным желанием жить. И обнаружить, что драконы это не сказки. Что они существуют. А ты для них – особая ценность. В оформлении обложки использовано фото с сайта [periodimages](http://periodimages.com). Дизайн: Сильвия Лайм

ISBN 978-5-532-08382-0

© Углицкая А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алина Углицкая

Призванная для Дракона

Пролог

Бывают дни, когда хочется утопиться. Или кого-нибудь утопить. Или хорошенько надраться и хотя бы на короткое время забыть о том, что случилось.

Тяжело опершись на дверцу, Тая заглянула в больнично-белые недра холодильника. Взгляд равнодушно скользнул по пластиковым лоткам, по начищенным бокам кастрюлек, по бутылкам с соусами... И в который раз за последние сутки сердце сжалось от боли.

Как они могли?!

Это не укладывалось в голове.

Как мужчина, с которым она прожила пятнадцать счастливых лет, оказался предателем?

Как подруга, которую она считала почти сестрой, так жестоко ударила по больному?

А может, дело вовсе не в них? Может, это она виновата? Придумала себе мир, в котором все были счастливы, и жила в том мире, не желая видеть действительность?

Или просто плохо знала людей, которых любила...

Взгляд зацепился за блеск стекла на нижней полке. Виски. Марочный. Выдержка пятнадцать лет – какое занятное совпадение!

Эту бутылку Виктор принес с работы два года назад. Сказал, это подарок от коллег в честь его повышения. И Тая поверила, ей было приятно, что мужа так ценят. Поставила на сервант, на видное место, как ценный экспонат, демонстрировала гостям. Даже не поленилась, пошерстила по интернету, отыскивая, сколько может стоить подобный напиток.

Цена ее впечатлила, заставила зауважать мужа еще больше. Ведь не каждому менеджеру среднего звена коллектив презентует виски за пятьсот баксов.

Год спустя, празднуя хрустальную свадьбу, они распечатали виски. Правда внутри, вместо амброзии и нектара, ожидала вонючая жидкость убойной крепости, на фоне которой самогон соседки бабы Вали показался куда вкуснее. Так что початую бутылку засунули в холодильник до «лучших времен», а застолье продолжилось без нее.

Таково было первое знакомство Таисии Крушилиной с заморским напитком.

А теперь, глядя на фигурную бутылку из темного матового стекла, Тая почувствовала, как внутри завязывается колющий комок. И растет, увеличивается, запуская ледяные плети в самую душу.

Боль. Обида. Непонимание.

И одна только мысль в голове: как они могли?

Всего три слова пульсируют в такт биению сердца. Но на них нет ответа.

Как он мог?

А вот так. Смог. Раздавил ее, тяжелым катком прошелся по самому святому, что у них было, и ушел, оставив ключи от квартиры на подоконнике.

А она? Та, что еще недавно звалась подругой... Та, с кем делила свои беды и радости, тайны и мечты...

Тая тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Хватит, она уже наплакалась-наревелась. Легче не стало. Может быть, потом полегчает, со временем, не сейчас. А жалеть себя – последнее дело. Ведь не калекой же она стала. Руки-ноги работают, голова – на плечах и какой-никакой умишко да есть.

Выкарабкается.

Всем назло, выкарабкается и станет счастливой.

Однажды.

Зло усмехнувшись, она схватила бутылку. Зубами выдернула пластиковую пробку. Своя, родная, давно рассохлась, пришлось ее заменить.

Огненная жидкость ударила в горло.

Тая глотнула, захлебываясь. Потом закашлялась, чувствуя, как настоящий огонь охватывает губы, язык, гортань.

Но это жжение было ничто по сравнению с болью, что она ощущала внутри.

Откашлявшись, Тая захватила из холодильника лоток с котлетками, захлопнула дверцу и направилась в гостиную. Там на столике разложила свои трофеи: квадратный стакан, бутылку и открытый лоток.

Взгляд упал на кружевную скатерть, которую выплела своими руками. Да не абы как. На деревянных коклюшках, как бабушка учила. Эта скатерть и ей подобные вещи были для Таи предметом гордости, нежно лелеемой и любовно хранимой.

Нынче в городах и не сыскать опытных кружевниц, не нужны они стали, но Тая свое умение ценила и берегла. Все свободное время посвящала любимому делу: вологодским кружевам. Плела для выставок народного творчества, для магазинов хенд-мейда, просто в подарок знакомым и близким.

В какой-то момент кружевных изделий накопилось столько, что девать стало некуда. И тогда, по совету подруги Ларисы, Тая организовала собственный интернет-магазин.

Поначалу было непросто, но со временем появились клиенты, готовые хорошо платить за ручную работу. Их находила та же Лариса по своим каналам. Она работала переводчиком в крупной фирме и часто имела дело с богатыми иностранцами, которые были не прочь приобрести сувенир из России.

За каждую салфеточку такие покупатели платили твердым долларом или евро. И вскоре выручка от хобби стала равна средней зарплате.

Поддавшись уговорам подруги, Тая уволилась с основной работы, вложила деньги в раскрутку магазина, презентовала Ларке должность админа с ежемесячным процентом от продаж, и с головой ушла в творчество, теща свое тщеславие тем, что может, не выходя из дома, зарабатывать не меньше супруга.

Это была ее отдушина. Ее способ уйти от реальности. И не думать об упущенных возможностях, о вине, которую несла на себе все эти годы.

Даже Виктор не знал, что ей пришлось пережить. Не сказала ему. Побоялась, что не поймет. Он ведь мужик. Только Ларке – подруге – доверилась.

Дура.

Никому нельзя доверять.

Теперь она убедилась в этом на собственном опыте.

Перед глазами, как наяву, маячило лицо Ларки. Гордо сияющее, как новенькая монетка. А в ушах до сих пор стоял ее голос, полный притворного сострадания:

– Это жизнь, понимаешь, Тая. Я не хочу повторять твои же ошибки. Отпусти его.

Она, наверно, и через сто лет будет помнить тот миг, как сейчас. Как настойчивый звонок в дверь оторвал от плетения трудного участка. Как в квартиру стремительно вошла Лариса, красивая, молодая, внеся с собой морозный декабрьский воздух. Как на ее песцовом воротнике блестел снег. И как она положила на стол маленький продолговатый предмет. А потом говорила о чем-то долго, заботливо, глядя на Таю с ложной жалостью на лице.

Тая ее почти не слышала, почти не вникала в слова. Они скользили мимо ее сознания, ни за что не цепляясь. Она стояла, чувствуя только, как ухает сердце, а перед глазами поднималось красное марево, в центре которого лежал тот самый предмет.

Тест на беременность.

Как во сне, она протянула руку и коснулась кусочка пластмассы. Ее будто током пронзило. Вздвогнув, она посмотрела на Ларку.

И только тогда поняла, что та говорит:

– У нас с Витей будет ребенок. Прости, ты сама виновата.

Это был запрещенный удар. В самое сердце. Потому что только Ларка знала, почему у Таи никогда не будет детей...

И да, Тая сама была виновата. Аборт, сделанный еще до встречи с супругом, стал для нее роковым.

В свои тридцать пять она не имела детей и, как сказали врачи, никогда не сможет иметь.

Она ненавидела зеркала, потому что видела в них усталую женщину с потухшим взглядом, скорбными морщинками у рта и тяжеловесной фигурой, оплывшей от постоянного приема гормональных препаратов. А еще были сотни тысяч, выброшенных на лечение, которое не дало результатов. Были истерики, метания по бабкам-знахаркам и святым местам. И постоянный страх, что ее тайна раскроется, что Витя узнает.

Ему она так и не смогла признаться, что сама виновата. Что «залетела» по глупости в семнадцать лет и испугалась. А мама... Мама сказала:

«Зачем тебе дети? Ты учишься, встретишь хорошего человека, выйдешь замуж, еще нарожаешь себе. А кому ты нужна с дитём?»

И Тая послушалась. Мама ведь лучше знает, что нужно ее ребенку. Мама жизнь прожила...

Мамы давно уже нет. И детей нет.

А теперь нет и мужа.

Она осталась одна...

Тая наполнила стакан до краев. Откинувшись на спинку дивана, опрокинула залпом. До боли зажмурилась, делая крупные, мужские глотки, и чувствуя, как жидкий огонь вновь охватывает внутренности, а на глазах выступают слезы.

Завтра наступит новый день. Ей придется вылезти из своей норы и заняться делами: разводом, разделом, встретиться с адвокатом. Пережить сотни неприятных минут.

Но это все завтра.

А сейчас ей хочется просто напиться. Чтобы не помнить. Чтобы забыть. Хотя бы на время.

Отдышавшись, она закусила холодной котлетой в ободке из желтого жира.

Второй стакан дался намного легче.

В голове появился хмельной туман, и виски уже не казался таким противным.

Тая покрутила бутылку непослушными пальцами.

Сколько в нем градусов? Черт, все написано не по-русски.

Ее рот скривила усмешка.

О да, теперь она знала, как ее мужу достался этот символ загнивающего запада. Какие-то коллеги его презентовали и за какие заслуги. Все оказалось банально до слез. Виктор купил его Ларке. В подарок. Не может же мужик приходить к любовнице с пустыми руками?

Однажды он, как бы походя, поинтересовался, какие напитки предпочитает Лариса. И Тая, наивная дура, ему сообщила, что Ларочка не пьет ничего, крепче вина. Ларочка тщательно следит за здоровьем, не курит, не употребляет крепкий алкоголь, даже если он стоит баснословные деньги, посещает бассейн и фитнес. И, в отличие от ширококостной и невысокой Таи, в свои тридцать с хвостиком может похвастаться подтянутым телом и идеальным салонным загаром.

В тот вечер Виктор не пришел домой ночевать. Он часто не ночевал, такая была работа. В любой момент начальство могло отправить в срочную командировку. Тая привыкла и не дергалась, полностью доверяя супругу.

Муж позвонил, торопливо бросил в трубку, что срочно вызвали на объект за пятьдесят километров. И что вернется домой через два дня.

Да, вернулся. С этой проклятой бутылкой.

Это ли не насмешка судьбы?

Тая закрыла глаза. Растянулась на диване, так и не выпустив виски из рук. Кровь гнала алкоголь по венам, постепенно затуманивая сознание. Но желанное облегчение не приходило. Боль оставалась такой же острой как прежде.

Она взболтнула бутылку, прислушиваясь к плеску жидкости в стеклянных недрах. Кажется, осталась еще половина. Но тянуться за стаканом не было ни сил, ни желания. Она просто приложила горлышко к губам. И начала пить. Глоток за глотком, впуская в себя забытие.

Так странно. Виски был совсем не противным. Наоборот, теперь он казался не крепче воды. Почему же раньше не нравился?

Ослабевшие пальцы разжались. Пустая бутылка с глухим стуком упала на пол, покрытый ковром, и закатилась под стол.

Тая глупо хихикнула.

Диван под ней завертелся, как карусель.

Она почувствовала резкий рывок. Что-то стиснуло ее горло. Шквал колючего ветра ударил в лицо, заставил захлебнуться дыханием. Сотни ледяных иголок впились кожу, вымораживая до самых внутренностей.

Холод... Откуда здесь холод? Она же в квартире...

Это была последняя связная мысль, что мелькнула в ее голове.

Тая задергалась в ужасе, но поняла, что не может пошевелиться. Тело ей больше не подчинялось.

А потом в груди разлилась адская боль. И она отключилась.

Глава 1

Сознание нехотя возвращалось.

Сначала из небытия возникли звуки, наполнявшие мир за закрытыми веками. Потом появилось ощущение твердой поверхности, на которой она лежала. Холод. Сырость. А вместе с ними вернулась и боль.

Болел затылок, словно она им хорошенько ударилась. Болела шея, стиснутая чем-то шершавым и мокрым. Горели легкие и гортань.

Застонав, Тая машинально коснулась горла. Пальцы нащупали толстый канат, впившийся в шею, и разум девушки оцепенел от животного страха.

Что-то изменилось. Что-то было совсем не так, как должно, в окружающем мире и в ней самой. И от этого ощущения у Таи свело желудок.

Чувствуя подступающую к горлу тошноту, она попробовала себя образумить. Что может случиться? Ну, напилась, ну уснула на диване... С кем не бывает?

Тогда... откуда эта веревка на шее? Она что, пыталась покончить с собой?

Эта мысль огненной молнией пронзила рассудок. Тая судорожно заскребла пальцами, срывая с себя удавку. Отшвырнула ее и открыла глаза, фокусируя взгляд на ближайших предметах. А потом обомлела.

Вместо знакомых стен и потолка вокруг нее высились исполинские сосны. Ровные стволы уходили вверх метров на пятьдесят, не меньше, и смыкали там свои кроны в одну густую непроглядную массу.

А прямо над ней, метрах в двух от земли, торчала сломанная ветка с обрывком веревки. Тая зажмурилась.

Это бред. Она бредит. Таких гигантских сосен не бывает. Не у них в Строгино...

Некоторое время девушка лежала, почти не дыша и чутко вслушиваясь в окружающую тишину. Хотя, тишиной ее вряд ли можно было назвать. Слух различал шелест ветра в ветвях, поскрипывание сосновых стволов, потревоженный птичий клекот. Нос щекотал запах влажной земли и прелых иголок.

А еще было странное тянущее ощущение в пояснице. Неприятное и чужое.

Тая боялась открыть глаза. Но с каждой минутой дискомфорт в теле становился только сильнее. В конце концов, собравшись с духом, она ущипнула себя.

Боль была вполне настоящая.

Решив пойти с собой на компромисс, Тая чуть-чуть приоткрыла веки и глянула из-под ресниц.

Сосны никуда не делись. Но теперь между их стволами девушка различила влажную почву, покрытую серыми бляшками подтаявшего снега. И только тогда поняла, что все это время лежала на относительно сухом кусочке земли. А еще, что страшно замерзла.

Вернув себе зрение, Тая попыталась подняться, но низ живота прострелила резкая боль. Спазм отдался и в поясницу, заставив девушку испуганно вскрикнуть. Она инстинктивно положила руки на живот и почувствовала, как изнутри в ее ладони что-то толкнулось.

От нахлынувшей паники зашевелились волосы на затылке.

Ее живот, который еще вчера был мягким и податливым, сейчас стал круглым и упругим, как барабан. И это вовсе не от кишечных колик...

Тихонько подвывая от ужаса, она ощупала сначала живот, потом тело, где смогла дотянуться. Выводы напрашивались сами собой, но разум не мог их принять.

Беременна.

Господи...

Она беременна.

На это четко указывал округлившийся живот, заметно выступающий под грудью.

Но... как? От кого?!

Оценив размер живота, Тая прикинула сроки. Месяцев семь, не больше.

Мысли бешено завертелись в ее голове.

Что же это получается, минимум полгода выпало из ее памяти? У нее амнезия?

Странное дело, но стоило ей лишь понять и принять свое положение, как паника улеглась.

Мозг начал мыслить холодно и рационально.

Чтобы с ней ни случилось, где бы она сейчас ни была, каким бы образом сюда ни попала, факт остается фактом: у нее будет ребенок. То, о чем она мечтала последние пятнадцать лет, вот-вот станет реальностью. У нее будет малыш. Свой. Родной. Единственный.

Разве это не стоит того, чтобы попытаться встать на ноги и найти выход из этого леса?

Тая поднялась, цепляясь за шершавый ствол ближайшей сосны. Огляделась.

В двух шагах от нее валялись войлочные чуни, грязные и стоптанные. Она поспешно засунула в них посиневшие ноги.

Из-за живота центр тяжести ее тела сместился, но это было не все. Тая чувствовала себя по-другому. Полностью обновленной. Даже кожа на руках была другой: более молодой. А пальчики – тонкими, гибкими, с узенькими перламутровыми ногтями.

Не ее это руки. Чужие.

Тая отбросила эту мысль.

Ее – не ее. Какая теперь разница? Главное, это ребенок!

И одежда не ее. Какое-то странное платье с длинным подолом и стеганая телогрейка, сшитая из кусочков овчины.

И растрепанная коса. Длинная, светлая, до пояса.

Последнее, как и беременность, не могло быть реальным, но было.

Тая даже подергала себя за волосы, проверяя, насколько крепко они держатся на голове.

Крепко. Крепче не бывает.

А ведь еще две недели назад она сделала короткую стрижку и перекрасилась в каштановый цвет, по совету Ларочки.

Имя подруги-предательницы отозвалось новым спазмом внизу живота.

Стиснув зубы, Тая обхватила живот руками и заторопилась. Ее охватил новый страх, вполне осознанный и реальный: а вдруг это схватки? Вдруг то, что случилось с ней, спровоцирует выкидыш? Нет, этого нельзя допустить! Она должна сохранить своего малыша любой ценой.

Был ли это инстинкт выживания, или внезапно зародившийся материнский инстинкт, или Высшие Силы вмешались, но спустя десять минут Тая набрела на тропинку, что узкой змеей извивалась между деревьев.

Тропинка была неширокой, но хорошо утоптанной и чистой от снега. Это говорило о том, что ею часто пользуются. Кто – Таю не волновало. Она как дикое животное чувствовала близость людей и жилья.

Спустя полчаса блужданий по лесу она наконец-то увидела просветы между деревьев. Тропинка вывела к высокому деревянному дому, окруженному частоколом.

Сам дом оказался сложенным из гигантских бревен толщиной в два обхвата. Стоя у кромки леса, Тая смогла разглядеть только верхний этаж, окна, прикрытые потемневшими от времени ставнями, да двускатную крышу с «кукушкой», возвышающиеся над трехметровыми кольями. Но самое главное – из кирпичной трубы валил дым!

Серые клубы поднимались в такое же серое небо.

От нахлынувшего облегчения на секунду ослабли ноги. Тая схватилась рукой за какую-то ветку, постаралась успокоить дыхание и судорожно скачущее сердце.

Люди. В доме есть люди. Она спасена!

И словно в насмешку, чтобы не расслаблялась, ее живот снова свело. На этот раз боль была намного сильнее. Опаснее.

От страха и боли к горлу подкатила тошнота. Держась за живот, Тая заковыляла к воротам.

Нет, она не позволит случиться плохому. Не потеряет ребенка.

– Эй! – прохрипела, с трудом переставляя непослушные ноги. – Помогите!

Ей казалось, что она кричит во всю мочь, обдирая сухое горло. Но голос был еле слышен.

Еще пара шажков – и она у ворот. Тяжело привалилась плечом, прикрыла глаза.

Сил поднять руку и постучать уже не осталось.

В голове начинал клубиться туман.

– Пожалуйста! – это был уже не хрип, просто шепот. – Кто-нибудь! Богом молю...

– Здесь нет богов, женщина, – раздался над ней мужской голос. Хмурый, отрывистый. Этот голос не сулил ничего хорошего. – Зачем ты пришла?

Она с трудом разлепила опухшие веки.

В двух шагах от нее стоял мужчина. Такой высокий, что ей пришлось задрать голову, чтобы увидеть его лицо. Мощный, будто высеченный из столетнего дуба. В куртке из волчьей шкуры и холщовых штанах, заправленных в сапоги с высокими голенищами. Из-за его плеча торчало дуло охотничьего ружья. В руках он сжимал связку подстреленных куропаток.

И был явно не рад этой встрече.

Тая пыталась разглядеть лицо незнакомца, но не смогла сфокусировать взгляд. Единственное, что поняла каким-то десятым чувством: с его лицом было что-то не так.

– Мне нужна помощь... – ее запекшиеся губы с трудом шевельнулись.

Она облизнула их, чувствуя вкус крови и слез.

Мужчина покачал головой:

– Здесь ее тебе не окажут.

– Пожалуйста.

Она опустила глаза вниз, на живот, предательски намекающий на ее положение. Незнакомец проследил ее взгляд и его лицо моментально застыло, превратившись в каменную маску.

– Ты должна уйти, – процедил он сквозь зубы. – Сейчас же. Тебе тут не место.

От угрозы в его голосе Тая стало дурно. Крупная дрожь сотрясла ее тело.

– Я... я не могу... Я не знаю куда идти...

Она не могла поверить, что он ее прогоняет. Что ему плевать на ее состояние, на то, что она еле стоит на ногах.

Да что же случилось со всем этим миром?!

Мужчина шагнул к ней. На секунду Тая обрадовалась, почувствовала облегчение, поверила, что он ей поможет...

Но незнакомец с каменным лицом оттеснил ее от ворот.

– Уходи, – его глухой голос ударил, будто набат. – Здесь тебе никто не поможет.

Она не сопротивлялась. Не пыталась кричать, возмущаться. Просто стояла, чуть пошатываясь, прикрывая руками ноющий живот, и растерянно смотрела, как он исчезает за створкой ворот.

Понимание пришло минуту спустя.

Он ушел.

Бросил беременную женщину под забором, как бродячую собаку.

Какой человек на это способен?

Она растерянно огляделась. Вокруг был только лес. А небо быстро темнело, опускались зимние сумерки – ранние, холодные и сырые. Откуда-то с запада налетел порывистый ветер, ударил в лицо, закружил, вышибая землю у нее из-под ног.

Низ живота свело новой болью. Она вонзилась в тело, раздирая его пополам.
Между ног потекло что-то горячее.

И Тая медленно заскользила вниз, чувствуя, как стремительно теряет последние силы.

Она чувствовала, что плачет. Слезы лились рекой, которую она не могла удержать, стекали вниз по щекам, соленая влага пекла потрескавшиеся губы, капала в рот. Она глотала ее, шепча как молитву:

– Пожалуйста, помогите...

Пока ее не накрыло желанное забытие.

Сквозь пелену, окутавшую сознание, она не услышала, как скрипнули, открываясь, ворота. Чья-то тень упала ей на лицо. Незнакомые руки – сильные, крепкие – подхватили с земли. Осторожно, как китайский фарфор, и в то же время надежно.

Пара минут парения в воздухе – и вот ее уже вносят в тепло. Укладывают на что-то мягкое. Слышится потрескивание дров, стук жестяного ведра, журчанье воды. А потом что-то мокрое и холодное опускается ей на лицо...

Глава 2

Второй раз она пришла в себя совсем в другой обстановке.

Окружающий воздух был теплым, ложе, на котором она лежала – мягким. А последние события казались кошмарным сном.

Ничего не болело, ничего не мешало. Разве что во всем теле чувствовалась непривычная легкость.

«Слава богу!» – облегченно мелькнуло в голове.

Ей приснился и лес с вековыми соснами, и удавка на шее. Вот что значит – пить надо меньше. Спьяну и не такое привидится!

Тая потянулась, запуская руки в меховое покрывало. И застыла.

Мех?.. Откуда?

Ее словно в спину толкнуло.

Девушка дернулась, открывая глаза.

Взгляд уперся в бревенчатый потолок. Перетек на бревенчатые же стены.

В глубине души зародилась тревога.

Тая лежала на широком топчане, застеленном покрывалом из шкур. Причем, шкуры были явно натурального происхождения. В небольшой комнате с дровяной печкой, в которой сейчас тлели угли. Она словно попала в келью аскета: кроме топчана, только масляная лампа под потолком, ларь в углу, деревянная лавка да стол из нестроганных досок.

Ни картин на стенах, ни занавесок на оконце, ни самого захудалого коврика на полу.

Руки сами дернулись к животу.

Чувствуя себя сумасшедшей, девушка осторожно ощупала выступающую часть своего тела.

Живот никуда не исчез. Вот он, в наличии. Твердый, упругий, как мячик резиновый, выступает под сорочкой.

Какой сорочкой?!

Помнится, на ней было платье и телогрейка...

Не веря своим глазам, она приложила ладонь к животу и почувствовала толчок.

В ответ на движение маленькой жизни ее сердце сжалось от нахлынувших чувств. К глазам подкатили слезы.

Значит, все это не сон. Она действительно беременная. И не знает, от кого. Не знает, где находится. Все, что она помнила, это как пила виски, желая заглушить боль предательства, а потом очнулась в лесу и набрела на дом, обнесенный частоколом.

Что же с ней произошло?

Мозг тут же покинул версию об амнезии. Сейчас она казалась единственно верной.

Тая задумалась. Может, они с Витей не развелись? Помирились? Может, очередное лечение сотворило чудо – и она забеременела?

Может, Ларка все наврала?

Тогда, куда делось обручальное кольцо? Она ведь так и не сняла его, когда Виктор ушел.

Как бы там ни было, нужно выяснить, куда ее занесло. Найти телефон, позвонить мужу...

Его номер был единственным, если не считать Ларки, что засел в ее голове.

Закусив губу, Тая неловко приподнялась. Свесила ноги с кровати.

– Ляг!

Резкий приказ, прозвучавший за спиной, заставил девушку вздрогнуть.

Из угла шагнул незнакомец. Тот самый, что бросил ее под забором. Только теперь он сменил меховую куртку на рубашку из черного сукна.

Она его вспомнила. И вспомнила то, что случилось потом. И острую резь внизу живота, и влагу, что потекла по ногам.

Она едва не потеряла ребенка...

Девушка отпрянула, прикрывая руками живот.

Мужчина застыл, оставляя лицо в полутени.

– Тебе нельзя вставать, – произнес он, больше не делая попыток приблизиться. – Если хочешь сохранить...

Не договаривая, он кивнул на ее живот.

– А-а... – Тая судорожно соображала. Значит, он все-таки вернулся за ней. Внес в дом. – Кто вы?

Ей показалось, что по его губам скользнула злая усмешка.

– Не знаешь, кто я, женщина? – эта усмешка слышалась и в его тоне. – Тогда тебе лучше оставаться в неведении.

Это «женщина» покорило Тая. Ну да, она дама не первой свежести, так сказать. Но зачем же так грубо сообщать ей об этом? И что за манера уходить от ответов?

– Я Тая, – сообщила, пытаясь растянуть губы в доброжелательную улыбку. Вместо улыбки получилась гримаса. – Крушилина Таисия Анатольевна. Спасибо за заботу. Я могу от вас...

– Мне не нужна твоя благодарность, – оборвал мужчину, не разжимая зубов. – Просто лежи.

Он сдвинулся вбок, к печке, так что свет из окна упал на его лицо. Теперь Тая могла его рассмотреть.

У незнакомца оказались длинные черные волосы, зачесанные со лба и завязанные в низкий хвост. Резкие черты, колючие глаза под щеткой бровей, узкий орлиный нос и темная, будто выдубленная ветром и солнцем, кожа.

Красавцем не назовешь. Но вместе с тем Тая не могла оторвать взгляд от его лица. Она никогда не встречала таких характерных лиц, где каждая черточка пропитана внутренней силой.

А еще от него исходила угроза. Молчаливое предупреждение. Она ощутила его всем существом.

Перед ней стоял хищник. Дьявольски притягательный и смертельно опасный.

– Хорошо-хорошо, – Тая не стала протестовать и послушно улеглась на подушки.

С этим типом лучше не спорить.

Затем повторила попытку:

– Простите, вы не могли бы дать мне телефон? Пожалуйста. Я должна позвонить...

В его взгляде что-то изменилось. То ли удивление вспыхнуло, то ли раздражение.

– Я не могу дать тебе то, что ты просишь.

Тая еще раз огляделась. Вспомнила лес. Подняла глаза к масляной лампе под потолком.

– Ну да. Вполне вероятно, что здесь нет сотовой связи. Если даже электричества нет.

Мужчина отреагировал странным взглядом, но ничего не сказал.

– А давно я здесь? – поинтересовалась она.

– Два дня. Ты была без сознания, и мне пришлось потрудиться, чтобы вы оба остались живы.

Он отвернулся к печке, подставляя взгляду девушки широкую спину.

Тая притихла, наблюдая за его действиями. Ее внезапно охватил запоздалый приступ стыда и смущения.

Ее невольный спаситель не посчитал нужным представиться, и вообще не проявляет желания наладить контакт. Но он вернулся за ней. Принес в свой дом. Выходил. Даже переодел и обмыл. О последнем говорило ощущение свежего тела и чистая сорочка.

Девушка украдкой пощупала ткань. Если ей не почудилось, то сорочка сшита из тонкого льна. Тая знала толк в натуральных тканях.

Кто же этот мужчина? Что заставило его обосноваться в лесу?

Может, лесник?

Разум искал логичное объяснение всему, что происходило.

Но было еще кое-что.

– Можно один вопрос? – осторожно начала Тая.

Мужчина замер. Его плечи напряглись. Он со стуком поставил на печь какую-то емкость.

– Да, – бросил недружелюбно.

– Где я? Что это за место?

Некоторое время он молчал. Присел на корточки, открыл заслонку, подбросил дрова. Разворошил кочергой угли. И все это без единого звука.

Тая начала думать, что уже не дождется ответа.

Но тут он поднялся и посмотрел на нее. Так, что от его взгляда у нее душа ушла в пятки.

– Хочешь знать, куда тебя занесло? – его лицо дернулось в недоброй усмешке. – Что ж, я скажу, если сама еще не догадалась. Это Латгейр – окраина мира. Вотчина отступников и изгоев. А я Крейн Даберрон, бывший лаэрд и убийца, добровольно покинувший клан.

Он слукавил.

Но слишком уж хотелось увидеть, как распахнутся ее глаза, как наполнятся ужасом. Как миловидное лицо исказится от страха и отвращения.

Зачем он вообще вернулся за ней?

Откуда она взялась в этом богами забытом лесу?

Сюда не приходят по собственной воле. И здесь давно не видели женщин. За сотни лет до рождения Крейна это место уже было проклятым. И он получил это проклятье в наследство вместе с землями.

Крейн Даберрон из клана Обсидиановых, сын Ринвальда Даберрона, внук Руфуса – последний лаэрд Латгейра. Проклятый убийца, предводитель отверженных. Лишенный права принимать свой истинный облик, запечатанный в человеческом теле, как и все его братья по клану.

Дракон, не способный ни обернуться, ни взлететь, ни расправить крылья.

Если есть в этом мире наказание хуже смерти, то это оно.

Но, странное дело, человеческая дева не испугалась. Наоборот, уставилась на него с любопытством и жалостью.

От этого взгляда его покорило. Но это было только начало.

– Простите... А вы не подскажете, Латгейр, это далеко от Строгино?

Незнакомое слово неприятно царапнуло. Крейн не мог вспомнить ни одной крепости, ни одной заставы с таким названием по эту сторону Сумеречной гряды. Да и по ту тоже.

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Ну как же, – она немного разволновалась. Хотела сесть, но, остановленная его хмурым взглядом, только голову приподняла. – Москва, Строгино, улица Инессы Арманд... Я там живу... жила...

Последние слова она произнесла не слишком уверено, точно сомневаясь в том, что говорит.

– Повторяю: я не знаю, о чем ты, женщина. Вокруг на месяц пути только земли Обсидианового клана. На западе есть крепость Дагхар, но имперские ньорды ушли оттуда еще сто

лет назад. Мы предоставлены сами себе с тех пор, как император Элларийон запечатал наших драконов.

Он замолчал, потому что ее лицо неожиданно изменилось.

Нет, на нем не возникла гримаса страха. Но дева вдруг нахмурилась, будто решая про себя что-то важное, и посмотрела на него странно так, как на больного.

Крейн упорно называл ее женщиной, подчеркивая статус, проводя границу между ними. Беременная не может быть девой. Она носит чужого ребенка, а значит, есть мужчина, который имеет на нее все права.

Только какой мужчина отправит свою женщину гулять по Латтейру, к тому же на сносях? И откуда у нее на шее следы от веревки?

Еще обмывая незнакомку от крови и переодевая, Крейн обратил внимание, что брачной вязи на ее руках нет. Но ребенок в ее утробе... Он есть. И не человеческий ребенок.

Крейн почувствовал присутствие маленького дракона. Именно это заставило его вернуться за ней.

Кем бы ни была эта дева, она носила будущего дарга. А в клане Обсидиановых редко рождались дети.

– Кажется, у вас что-то кипит.

Дева кивнула на печку.

Крейн оглянулся.

– Гхарровы яйца! – выругался в сердцах, хватая раскаленный чугунок с варевом.

Ладони и пальцы тут же покрылись красными волдырями.

Он спихнул чугунок на край печки, сжал кулаки. Сделал несколько глубоких вдохов, возвращая себе хладнокровие. Потом разжал пальцы.

Ожоги исчезли, не оставив следов. Природная регенерация еще ни разу не подводила, не подвела и на этот раз. Только по тыльной стороне кистей пробежали мурашки, да на долю мгновения вспыхнула антрацитовая чешуя.

Вспыхнула – и погасла. Даже не чешуя, а так, ее тень.

Но тишина, повисшая в доме, заставила Крейна инстинктивно напрячься.

Он медленно поднял голову.

Человеческая дева была все на том же топчане. Только теперь сидела, прижавшись спиной к стене и обхватив руками живот. И смотрела на него в немом потрясении широко распахнутыми глазами.

– Что? – рявкнул он не слишком любезно.

– П-простите... – она сглотнула. Крейн увидел, как дернулась жилка на ее горле. – Ваши руки... Ожог...

Странная дева. Странно себя ведет.

Он прищурился, делая в ее сторону незаметное глазу движение. Заговорил обманчиво-мягким тоном, точно змей-искуситель:

– Ты никогда не видела даргов?

– А?

Дева моргнула, поднимая на него растерянный взгляд.

– Ты. Никогда. Не видела. Даргов? – повторил медленнее, с нажимом выделяя каждое слово.

Ее губы раскрылись, привлекая его внимание. Внимание мужчины, у которого Халл знает сколько не было женщин. Она облизнула их.

– Я... я не знаю, о чем вы...

Глава 3

Она сошла с ума.

Это единственное разумное объяснение тому, что сейчас происходит.

На ее глазах обожженные ладони мужчины со странным именем затянулись здоровой кожей. Но так не бывает!

Тая точно знала, что люди не умеют заживлять раны в течение двух минут. И даже если предположить, что она не помнит последних месяцев своей жизни, все равно, медицина не могла за это время шагнуть так далеко.

Вывод остается только один: она бредит.

Единственный разумный вывод. Другие Тая не принимала в расчет.

Потрясенная этой мыслью, девушка не заметила, как незнакомец, назвавшийся Крейном, оказался рядом с ней. Буквально секунду назад он стоял возле печки, в противоположном углу комнаты, и их разделяло не менее пяти метров. А через миг оказался так близко, что она почувствовала его запах.

Крейн пах можжевельником, дубовой корой, свежевыделанной кожей и чем-то еще, что память Таи не смогла определить. Но он был очень реальным. Не похожим на плод больного воображения.

Застыв в полушаге от нее, мужчина вкрадчиво произнес:

– Хочешь сказать, ты не знаешь, кто сделал тебе ребенка?

– Нет...

– И не знаешь, почему пыталась покончить с собой?

Подчиняясь невольному порыву, Тая коснулась горла, а потом запрокинула голову, и их взгляды встретились. Его пронзительно-острый, изучающий, проникающий в самую суть, и ее – растерянный, потрясенный, но почти смирившийся с собственным сумасшествием.

Тая коротко выдохнула. Близость этого мужчины подавляла ее и смущала.

– Я не помню, – повторила, отводя взгляд.

– Не помнишь?

Она почувствовала удивление в его голосе.

– Да... Все что я помню, это как уснула у себя дома, в Строгино. И тогда еще не было... этого, – она выразительно посмотрела на свой живот.

Каждая фраза давалась ей через силу. Не так-то просто признаваться, что тебя бросил муж, что тебя предала подруга. Но Тая и не стала все рассказывать, что-то удержало ее от признания.

Зато Крейн, судя по всему, сделал собственные выводы из ее слов. Он отступил, давая ей возможность вздохнуть, но напряжение, сковавшее ее тело, даже не думало отступать.

– Что ж, – произнес он задумчиво, – ты носишь дарга, в этом я уверен так же, как в том, что я сам дарг. Но кто отец малыша – мне не известно. Кто-то или что-то скрывает его суть.

Тая сжала пальцы в замок.

Кто из них сумасшедший: она или все-таки этот Крейн? О каких даргах он постоянно упоминает? Может, это национальное меньшинство, типа курдов? Или секта, вроде Церкви Завета или старообрядцев? Если так, то аскетичная обстановка этого дома только подтверждает правильность ее выводов.

– Простите, – она постаралась говорить медленно и спокойно, – вы не могли бы пояснить ваши слова?

Крейн выглядел ненамного старше нее собственных тридцати пяти лет, но Тая не могла обратиться к нему на «ты». Что-то останавливало каждый раз. Какое-то подспудное чувство.

Мужчина покачал головой.

– Кажется, я знаю, как ты сюда попала. Человеческие девы не приходят добровольно в Проклятые земли. Мои собратья их похищают в приграничных селениях. Думаю, тебя постигла та же участь, – он зло усмехнулся. – И думаю, что понесла ты тоже не по своей воле.

От этих слов сердце Таи болезненно сжалось. Она в защитном жесте прикрыла живот. По своей – не по своей, какая разница, если она столько слез пролила, мечтая о ребенке? К тому же, если что-то плохое и было, она все равно не помнит.

Но желание добраться до истины, заставило задать новый вопрос:

– Хотите сказать, меня изнасиловали?

– Это можешь знать только ты, – он пожал плечами. – Я лишь предполагаю. Но если твой ребенок зачат добровольно, скажи, зачем ты сбежала от его отца и пыталась покончить с собой?

Тая пыталась напрячь память, но вместо воспоминаний в висках возникло неприятное давление.

– Не знаю... Может, он сам меня выгнал?

– Нет. Невозможно. Ни один дарг не отпустит женщину, которая носит его дитя. Я не смог проникнуть глубже первых слоев ауры и распознать, к какой семье принадлежит младенец. Но одно могу сказать точно: отец придет, чтобы вернуть ребенка себе.

По телу Таи пробежали мурашки.

Кем бы ни был отец ребенка, встречаться с ним желания не возникло. Наоборот, Таю охватило странное чувство: одна лишь мысль о неведомом мужчине вызвала сумятицу в ее голове. Она не знала кто он, не помнила, и при этом боялась его. Этот страх был рожден не разумом, а инстинктом, и сидел слишком глубоко, чтобы она могла найти ему рациональное объяснение.

– Хорошо... Допустим... – Она потеряла виски. Неприятное давление усилилось, будто вокруг ее головы сжимался железный обруч. – Я действительно не помню, как и от кого забеременела, так что ваша версия имеет право на жизнь. Но вы можете перестать говорить метафорами и внятно объяснить, в какой области мы находимся и как далеко от Москвы?

Его глаза сузились.

– Женщина, я выражаюсь достаточно внятно. Мы находимся за Сумеречной грядой, на землях Обсидианового клана. Или Проклятых землях, как их еще называют. По ту сторону гор – Драконья империя, на юге – только голые скалы и каньоны, наполненные кипящей водой из подземных гейзеров. На востоке находятся стойбища орков.

Драконы, орки, империи, стойбища...

Он же не может говорить об этом всерьез? Или может?

Тая глянула ему в лицо. Крейн не шутил, наоборот, был предельно серьезен. А его глаза говорили, что он не то, что шутить, даже улыбаться вряд ли умеет.

Удовлетворенный ее растерянностью, он продолжил:

– На западе – Ремнискейн, человеческое королевство. Думаю, ты была выкрадена оттуда. Твои светлые волосы и бледная кожа подтверждают мою теорию. Но это не меняет твоего положения.

Сердце девушки ёкнуло.

– Какого положения?

– Ты не можешь вернуться к людям. Не с ребенком.

– Почему?

Он окинул ее непроницаемым взглядом.

– Таков закон Драконьей империи.

Тая выслушала, с трудом сохраняя внешнее спокойствие. Хотя ей хотелось вскочить и завизжать. Или схватить тот чугунок, из которого все еще шел пар с ароматом заваренных трав,

и со всей дури швырнуть в стену. В общем, сделать хоть что-то, чтобы избавиться от ярости, что постепенно закипала внутри.

Итак, она сумасшедшая, и все это видится ей в больном бреду. Или она попала в руки сектантов и, не ровен час, ее тут чем-то опоили и загипнотизировали. Но, как бы там ни было, ей не стоит показывать страх. Ей нужно сохранить ясность мысли. По крайней мере, пока она не выяснит, куда ее занесло и где ближайшее отделение полиции.

Не дожидаясь ее ответа, Крейн вернулся к печке.

Тая проследила за его передвижениями.

Несмотря на высокий рост и четкие мышцы, выделявшиеся под одеждой, двигался он с нечеловеческой грацией. И не выглядел качком, наоборот, на вкус Таи казался достаточно худощавым. У него были широкие плечи, мощное, гибкое тело гимнаста и длинные ноги. А легкость движений бросалась в глаза. Нечеловеческая легкость, змеиная.

Тая потрясла головой, отгоняя последнюю мысль.

Ну, какие змеи, скажите на милость?

Крейн вернулся, неся в руках деревянную кружку, из которой валил парок.

– Вот, – произнес он сухим тоном, – ты должна это выпить. Потом сможешь встать и поесть.

– Что это? – Тая подозрительно втянула травяной запах.

– Отвар из корня ольсянницы. Пей, он восстановит силы.

Незнакомое слово кольнуло девушку острой льдинкой. Ее пальцы дрогнули, едва не опрокинув горячую жидкость, но Крейн успел подхватить кружку и удержать.

– Это не яд, – процедил он, заметив ее испуг, – и я не хочу тебя отравить. Я вернул тебя к жизни.

– Ольсянница... что за растение?

– Куст. Ты потеряла много крови, прежде чем я сумел остановить кровотечение. Если бы ребенок был человеческим, то я бы не стал помогать. Но тебе повезло, – уголок его рта дернулся, изображая усмешку.

Девушка вскинула на него напряженный взгляд.

– Значит, вы вернулись за мной только из-за ребенка? – уточнила она.

– Да. А теперь пей. – Он поднес кружку к ее губам. – Вот так, маленькими глоточками. Не торопись.

Голос Крейна по-прежнему оставался сухим и бесстрастным. В нем не чувствовалось ни капли тепла или радости от того, что он вынужден заботиться о ней. Но Тая начала пить. Что-то внутри нее подсказало: вряд ли этот странный мужчина станет травить ее после того, как сам вернулся к жизни.

От выпитого отвара по телу распространилось тепло. И, несмотря ни на что, Тая почувствовала, как боль отступает, а голова становится легкой.

Когда она опустошила всю кружку, Крейн перестал прожигать ее взглядом. Но не перестал удивлять. Он достал из ларя пару толстых носков из овечьей шерсти с войлочной подошвой. Подошел к ней, присел на корточки и, с абсолютно бесстрастным лицом, надел эти носки на ее босые ноги. Аккуратно, избегая малейшего прикосновения к голой коже.

Тая на секунду задержала дыхание. Почему он заботится о ней? Из-за ребенка?

Страх, свернувшийся внутри холодной змеей, поднял голову.

Она слышала о сектах, где у послушниц отбирали детей и приносили их в жертву. Может, потому он и обозначил, что ее ребенок «не человеческий». Может, он считает, что она носит Мессию или Антихриста?

В голове тут же замельтешили картинки из просмотренных сериалов и выпусков новостей.

– Теперь можешь потихоньку подняться, – голос Крейна подстегнул мыслительный процесс. – Осторожно. Не делай резких движений.

Тая быстро соображала: если этот человек опасен, она должна сделать все, чтобы усыпить его бдительность. Пусть думает, что она слабая и беззащитная. И что она верит ему.

Но ей самой лучше оставаться начеку. И искать возможность сбежать отсюда.

Но сначала нужно узнать, куда бежать. Потому что с таким животом много по лесам не набегаешь.

Приняв решение, Тая постаралась улыбнуться как можно очаровательнее, так, чтобы заиграли ямочки на щеках.

– Вы мне не поможете? – она протянула руку.

Вопреки ее ожиданиям Крейн не сдвинулся с места. Пару секунд он хмуро смотрел на ее протянутую ладонь, потом перевел нечитаемый взгляд на лицо.

– Ты, в самом деле, хочешь, чтобы я дотронулся до тебя? – спросил деревянным тоном.

Тая беззаботно хмыкнула:

– А в чем проблема? Вы ведь уже трогали меня, когда мыли, когда лечили. Или в вашей секте разрешено лапать только бесчувственных женщин?

– Это другое.

– Не вижу разницы. Так вы поможете мне или нет?

Глава 4

Он все же помог. Но иначе.

К ладони даже не прикоснулся. Просто сжал руку девушки возле локтя, там, где ее прикрывал рукав, и потянул на себя, одновременно придерживая свободной рукой за спину.

Тая медленно поднялась.

Похоже, этот сектант не врал, когда сказал, что она два дня была без сознания. Ноги не слушались, а ступни казались чужими, словно она долгое время лежала в неудобном положении.

Крейн шевельнулся, собираясь отпустить девушку. Но в этот момент ее правая нога подвернулась, и Тая, побоявшись, что сейчас упадет, вцепилась мужчине в плечи.

Она неловко навалилась на него. Невольно прижалась грудью к груди. Ее живот уперся в его твердый пресс, и пряжка ремня обожгла кожу холодом через сорочку.

Мужчина оцепенел. Тая почувствовала, как напряглось его тело, точно он собирался либо оттолкнуть ее, либо отпрыгнуть.

Но он не сделал ни того, ни другого. Просто застыл каменной статуей.

Она подняла взгляд на его лицо. Оно тоже застыло. Превратилось в непроницаемую маску. Только глаза – черные как антрацит, с металлическим отблеском – смотрели на нее жутковатым немигающим взглядом.

Тая похолодела. Этот взгляд прошил ее насквозь, как острая спица. В нем не чувствовалось ничего человеческого, наоборот, она словно на мгновение заглянула в глаза существа, которое было разумным, бесспорно, но не было человеком.

А потом его зрачки резко сузились, вытянулись, принимая вертикальную форму, как у змеи. Крылья носа хищно затрепетали, втягивая воздух. Руки сжались сильнее вокруг ее тела.

Но это длилось лишь долю мгновения.

Всего один удар сердца – и нет ничего.

С абсолютно бесстрастным лицом Крейн помог вернуть равновесие и отпустил.

Тая выдохнула.

Показалось.

Наверно, она еще не пришла в себя, или это отвар неизвестного растения так подействовал на нее. Ну, почудится же такое: вертикальные зрачки!

Она снова ему улыбнулась, старательно растягивая губы во всю ширь до боли в щеках.

– Спасибо!

Он не отреагировал на ее благодарность. Указал на лавку:

– Садись.

Тая окинула стол внимательным взглядом.

Широкий, сколоченный из потемневших от времени досок. Один край занимали стопки книг в кожаных обложках с серебристым тиснением. Там же стоял письменный набор: на дощечке из черного камня такая же чернильница, стаканчик с перьевыми ручками и еще один – с золотистым песком.

Такие вещи Тая видела только в исторических фильмах.

Осторожно присев, она взяла одну ручку, покрутила в руках, а потом подняла на Крейна озадаченный взгляд.

– Что это?

Ручка представляла собой деревянную палочку, на которую было надето перо из серебристого металла, украшенное гравировкой.

– Стилус.

Похоже, приверженцы этой секты против технического прогресса. Ни мобильной связи, ни электричества, ни шариковых ручек...

Тая заглянула в чернильницу. Знакомая штука. Когда она была совсем маленькой, они с мамой ходили на главпочтамт, звонить бабушке по межгороду. Так вот там, на столах, стояли почти такие же. Только ими никто не пользовался и чернила в них давно высохли...

Эта же была до половины заполнена темной жидкостью со специфическим запахом.

Мужская рука выдернула чернильницу у нее из-под носа.

– Тебе не стоит их нюхать, – хмуро пояснил Крейн. – Это особый состав, вызывает слабость и тошноту у людей.

– А как же вы им пользуетесь?

Он посмотрел на нее как на ущербную.

– Мне не вредит. Ешь.

Вместо чернильницы он протянул ей глиняную миску с густым бульоном, в котором плавали куски мяса, и ломоть серого хлеба.

Тая вдохнула аппетитный запах, и только тогда поняла, что ужасно проголодалась. Сбегать на пустой желудок совсем неправильно. Да, ей стоит поесть.

К ее удивлению ложка оказалась вполне обычной. Но не алюминиевой или из нержавеющей стали, как можно было предполагать, а серебряной. С овальным черпалом и круглой ручкой, украшенной гравировкой и утолщением на конце.

Серебряная ложка, глиняная миска, деревянная кружка... тут было над чем задуматься.

Быстро поглощая наваристый суп, Тая продолжала изучать обстановку. Незаметно, как ей казалось.

Крейн не смотрел на нее. Он сел с другой стороны стола и придвинул к себе чернильный набор. Достал из-под рубашки маленький ключик, висящий на длинной цепочке, открыл одну из книг и замер, сосредоточенно глядя на черные строчки. Потом обмакнул перо в чернильницу и вывел начало новой строки.

Тая осторожно покосилась на книгу.

Нет, скорее это тетрадь, раз он пишет туда от руки. Почерк ровный, каллиграфический, ни единой помарки. Только буквы какие-то странные...

Она напрягла зрение, хотя никогда не жаловалась на него.

Не английские и не русские. Но очень похожи на те, что пишут на этикетках с грузинским коньяком.

– Это какой-то восточный язык? – беззаботно поинтересовалась она.

И напряглась, ожидая ответ.

– Нет.

– А похож.

Крейн соизволил оторваться от своего дела и посмотреть на нее.

– Ты доела?

Она заглянула в миску.

– Да.

– Ложись.

Ее глаза изумленно расширились.

– Куда?

– Назад, в койку.

– А если я не хочу?

Крейн поднялся, одновременно произнося:

– Значит, я тебя уложу.

Странная дева, чужая. Непохожая на других.

Речи ведет странные, слова употребляет незнакомые. Да и ведет себя не так, как пристало беременной женщине, оказавшейся с чужим мужчиной один на один. Слишком дерзкая. И имя чужое.

Крейн повидал немало человеческих дев за свои семьдесят лет. И светлокожих голубоглазых дочерей Ремнискейна, и смуглых шандариаток, и гордых этрурок... Все они были пугливыми, точно лани. От Обсидиановых шарахались, узнавая издалека. Каждая тряслась, стоило проклятому к ней прикоснуться. А уж о том, чтобы какая-то из них позволила себе задавать даргу вопросы, даже речи не шло.

Правда, ни одна из этих дев не попала в Латгейр добровольно. Все они были похищены в приграничных селениях.

Еще тридцать лет назад Крейн сам возглавлял налеты на человеческие деревушки, выросшие на границе с Латгейром. Считал это единственным выходом, оставленным императором. Эллариион узаконил Бал Невест для других кланов, но Обсидиановые всегда были париями на этом празднике жизни. Их не приглашали. Им не предлагали невест.

И они их попросту воровали.

Так же, как их предки воровали скот у соседей.

А потом приводили в свой дом.

Даргам непонятен был смысл, который люди вкладывали в слово «любовь». Но они знали, что такое забота. Они берегли своих женщин, пеклись о потомстве. И девы постепенно оттаивали. Некоторые даже отвечали теплом.

Крейн был не лучше и не хуже собратьев. Он был одним из них. К тому же наследным лаэрдом – главой семьи Даберрон, седьмым Вождем Обсидианового клана.

Был.

С тех пор прошло тридцать лет.

Думать о тех временах не хотелось. Но и забыть причину, по которой оставил титул младшему брату, он тоже не мог. Она возвращалась к нему в воспоминаниях. Особенно, в долгие зимние месяцы, наполненные завываниями выюги и колючими морозами.

В теплое время года, когда большая часть суток принадлежала солнцу, Крейн находил, чем заглушить чувство вины. Душа его не болела. Он считал, у него вообще нет души. Умерла вместе с драконом.

Но сердце было, и оно кровоточило. Старая рана, в которой сам был виноват, зарастать не желала.

А эта своенравная дева ее снова разбередила.

Откуда она только взялась?

Он посмотрел на нее.

Сидит за столом, нахохлившись, как воробушек на ветру. Росточком небольшая, в самый раз ему по плечо. Пышнотелая, с роскошной налитой грудью и округлыми бедрами. Даже живот не портит ее, наоборот, придает всему облику особую прелесть. Делает нежнее, желаннее.

Крейн на секунду прикрыл глаза, отгоняя будоражащие воспоминания. Но белокожее тело, тяжелые груди с крупными розовыми сосками и треугольник светлых кудряшек не собирались покидать его мысли.

Слишком хорошо он разглядел их, когда обмывал деву отваром кожедуба.

И слишком долго его руки не касались женщины. Как бы теперь не сорваться.

По его телу прошла возбужденная дрожь. Кровь прилила к детородному органу, и штаны стали враз тесноваты.

Дева была такой беззащитной в его руках, такой доступной. Она бы не стала сопротивляться, захоти он тогда взять ее. Не смогла бы.

И он взял бы ее. Изгнал бы плод, который мать и так обрекла на смерть, подлечил немного, а потом оставил себе.

Но она носила маленького дарга. И дракончик внутри нее хотел жить.

Крейн был убийцей, но не был мерзавцем. И он не воевал с женщинами и детьми.

Его врожденное чутье требовало держаться подальше от незнакомки со странным именем. По крайней мере, пока не выяснится, откуда она здесь взялась и кто отец ее ребенка.

Крейн знал, рано или поздно этот дарг здесь появится. Не может не появиться. Дарги не бросают своих детей.

Значит, ему, Крейну, не стоит тешить себя бесполезными иллюзиями. Он сам оставил клан и ушел в добровольное изгнание. Сам отказался от власти и всех прав, дарованных по праву рождения.

Значит, и на эту деву тоже прав не имеет. Она принадлежит отцу своего ребенка.

Но сейчас, когда она смотрит на него вот так, широко распахнутыми глазами, прозрачными как слеза, чуть приоткрыв влажный ротик... Темный Халл, как же хочется послать к гхарру все правила и оставить ее себе!

Задушив зародившийся в горле рык, Крейн нагнулся и быстрым движением сгреб деву в охапку.

Та завизжала.

– Тихо! – рявкнул свирепо.

Но она и не думала замолкать. Уперлась ладошками ему в плечи, потом замолотила по ним, нанося урона не больше, чем если бы била по камню.

– Что вы делаете? Отпустите меня немедленно! Извращенец! Маньяк!

Он ее отпустил. Швырнул на топчан, грубо, но вместе с тем осторожно. Прорычал, чувствуя, как в горле клокочет гнев на собственную несдержанность:

– Не стоит обзывать меня словами, значение которых мне не известно. Я могу наказать.

А потом развернулся и в три шага преодолел расстояние до двери.

Его движения были столь стремительными, что смазались в одну полосу.

Не задерживаясь, Крейн сорвал с гвоздя свою куртку. Схватил ружье, стоявшее в углу прикладом вниз, закинул на плечо. Ударом ноги вынес дверь, заставляя ее с громким стуком удариться о стену. И нырнул за порог.

Глава 5

Дверь захлопнулась с оглушительным грохотом. С притолоки посыпалась пыль.

Тая вздрогнула, сжимаясь в комок. Услышала, как в замке щелкнул ключ.

Он ушел... Этот сумасшедший ушел...

Запер ее на ключ – и ушел.

Она вытянулась в струну, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за двери. Осторожно выглянула в оконце.

Отсюда были видны пустынная часть двора и частокол, закрывающий дальнейший обзор. Но не крыльцо и ворота.

Ее напряженный слух уловил приглушенный стук двери. Значит, из этой комнаты выход ведет в другую, а не прямо на улицу.

Потом донесся отрывистый свист. Так охотники подзывают собак.

Над окном мелькнула громадная тень. Крылатая. Она на мгновение закрыла и небо, и солнце, а потом спикировала вниз.

Тая отпрянула.

Это не птица. Птицы не могут быть размером с ЯК-52! И у них не может быть размах крыльев с десятков метров!

Сердце девушки колотилось, как у зайца, попавшего в охотничьи силки. Это было именно то состояние, о котором говорят «душа ушла в пятки». У нее она не только в пятки ушла. У нее она, похоже, едва не вылетела из сердца.

Тая глянула на свои руки. Те мелко дрожали.

Она прикрыла глаза.

Господь Всемогуций, это же не может происходить на самом деле? Где она так нагрешила?

Несколько минут девушка сидела, боясь даже вдохнуть, и чутко ловила все звуки. Убедившись, что в доме никого нет, она рискнула встать на ноги и осмотреться. Подошла к двери, безуспешно подергала. Та, как и ожидалось, была крепко заперта на замок.

Тая заставила себя успокоиться.

Вот так, дыши тише, ровнее.

В этом доме должно быть хоть что-то, что даст ей подсказку.

Она огляделась.

Ларь. Стол. Печка. Нехитрая утварь. Ведро с водой.

Тут и прятать-то нечего.

Первым делом она направилась к ларю. Тот был сделан из дерева, с металлической окантовкой и мощными петлями для замка. К ее радости, он оказался не заперт.

Тая пришлось поднапрячься, чтобы откинуть крышку. Внутри валялись какие-то вещи, сложенные не слишком аккуратно. Одежда, веревки, куски меха и кожи.

И зеркальце. Точнее, его осколок.

Тая сначала хотела отбросить его, но женская сущность заставила ее задержаться. Она поднесла осколок к лицу...

И забыла, что надо дышать.

На нее из гладкой поверхности смотрело чужое лицо. Похожее, но не ее.

Такое же круглое, с голубыми глазами и пухлым ртом. Только иной рисунок бровей, форма носа и челюсти.

И слишком молодое для ее тридцати пяти лет.

Девушке в зеркале было максимум двадцать пять, не больше.

Тая понадобилось несколько минут, чтобы осознать то, что она видела. Несколько минут напряженной тишины, нарушаемой лишь ударами собственного сердца.

Рассудок судорожно пытался дать всему разумное объяснение.

Она просто не помнит, как сделала пластическую операцию, нарастила волосы и перекрасилась в блондинку. Это вполне логично и подходит под версию с амнезией. К тому же, в наше время никого не удивишь, если выглядишь на десять лет моложе. Пластическая хирургия умеет и не такое! Она сама тысячу раз смотрела передачи вроде «Операция «Красотка» или «Тело моей мечты». И мечтала, что однажды найдет в себе силы и пройдет липосакцию, чтобы стать такой же стройной, как Ларка.

Но чем больше Тая себя убеждала в этом, тем меньше верила. А в глубине души уже зрел ответ, принять который она была еще не готова.

Ей нужны доказательства. Более весомые, чем те, что можно объяснить амнезией.

Отложив зеркало, она опустошила ларь и все переложила на пол. Кроме тряпок внутри ничего интересного не оказалось, но Тая не теряла надежды.

Должно! Должно быть хоть что-то!

Она обстукала стенки в поисках тайника.

Если он там и был, то она его не нашла. Но сдаваться не собиралась.

Вернув вещи на место, она обратила внимание на книги. Все они были в кожаных обложках, с металлической окантовкой на углах, и замкнуты на замочки из тусклого металла, подозрительно напоминающего черненное серебро. На каждом замке виднелась интересная гравировка: дракон, замерший в полуобороте с распахнутыми перепончатыми крыльями.

Тая покрутила книги в руках, понюхала. Разочарованно подергала замочки.

Ее взгляд скользнул по столу, к единственной раскрытой книге. Крейн не успел убрать ее перед тем, как уйти.

Сев за стол, Тая придвинула эту книгу к себе. Перелистнула пустые страницы, потом вернулась в начало. Бумага была плотной и гладкой на ощупь, не такой, как в обычных книгах или тетрадях. А текст и в самом деле больше всего напоминал восточную вязь.

Она так напряженно вглядывалась в строчки, пытаясь разглядеть в них хоть что-то знакомое, что какой-то момент зрение ее подвело.словно облачко нашло на глаза, и буквы поплыли, изменяя форму.

Тая моргнула.

Потом моргнула еще раз.

Потом протерла глаза руками.

Странный туман исчез, но легче не стало. Буквы остались прежними, только теперь она понимала, что там написано...

– «...Десять тысяч шестьсот пятьдесят девятый день, – прочитала, водя пальчиком по рукописным строчкам. – Сегодня кое-что изменилось. К моим дверям впервые за последние тридцать лет пришла человеческая дева. Подозреваю, она сбежала из крепости. Мой братец и его свита не слишком любезны со своими наложницами. А эта еще и беременна. Сбежала, пыталась покончить с собой, но вместо этого лишь навредила ребенку. Я должен был отправить ее назад, пока за ней не пришли. Но не смог.

Ее ребенок позвал меня. Это возможно только если у нас близкое родство. Не хочу развивать эту мысль, но она засела мне в голову.

Впрочем, неизвестность скоро развеется. Как только ребенок родится, его отец узнает об этом и придет.

Что-то подсказывает, что я буду не рад этой встрече...»

Уронив книгу на стол, Тая замерла в немом потрясении. Потом начала быстро листать, просматривая страницы, заполненные твердой рукой.

Дневник.

Перед ней лежал дневник хозяина этого дома, точнее, его последняя часть. История мужчины, который оставил все, что имел, и ушел в добровольное изгнание.

Здесь не было личных переживаний, только сухие факты. Похоже, Крейн сознательно не доверял бумаге то, чем не готов был делиться вслух.

Но и того, что Тая смогла прочитать, хватило, чтобы она поняла: с ней случилось нечто невероятное. Если этот мужчина не великий мистификатор, то она попала по полной.

Ее новый облик – не результат пластической хирургии. И дракон, пролетевший над окном, ей не почудился.

Крейн вернулся утром. Бросил на Таю угрюмый взгляд и положил возле печки подстреленного зайца. Потом молча снял с себя куртку, засучил рукава и, сев на лавку, начал свежевать тушку.

Тая слышала, как он вошел в дом. Всю ночь она просидела без сна, боясь задремать хоть на минутку. Зато у нее было время обдумать свое положение и поразмыслить над будущим.

А еще в чугушке оставалась похлебка, в ведре – ключевая вода, а в углу за печкой нашелся ночной горшок. Она терпела, сколько могла, но, в конце концов, природа оказалась сильнее.

Когда стукнула входная дверь, Тая успела сосчитать до десяти, пока Крейн вошел в помещение. При его умении двигаться почти молниеносно, это было слишком долго. Но значит ли это, что Крейн задержался? Или внешняя комната была больше этой?

При его появлении девушка не двинулась с места. За ночь она прочитала его дневник. Теперь в ее голове вертелась куча вопросов, которые один нормальный человек не мог задать второму без боязни, что его сочтут сумасшедшим.

Но Тае нужно было услышать ответы. Пусть даже ее безумие подтвердится.

Некоторое время она молча наблюдала за Крейном. Тот ловко содрал шкурку с зайца, точно перчатку снял, и бросил окровавленную тушку на стол. Затем поднялся, расправляя могучие плечи, зачерпнул ковшом из ведра и поднес воду ко рту.

Кажется, это был самый удачный момент, чтобы спросить.

– Вы дракон?

Она рассчитывала, что мужчина поперхнется от такого абсурдного заявления. Но ее ожидания не увенчались успехом.

Неторопливо опустошив ковш, Крейн посмотрел на нее.

– Да.

– Из клана Обсидиановых? – уточнила, чувствуя, как нелепо это звучит.

– Да.

– Отец моего ребенка тоже дракон?

Он кивнул.

– И ребенок мой тоже... дракон?

– Дарг. Мы себя называем даргами. Драконы на самом деле не слишком разумные существа.

– Но они существуют?

– Конечно, – он пожал плечами, а потом указал на что-то у нее за спиной. – Это Тарк.

Тая оглянулась и потрясенно застыла.

Свет за окном померк. Его закрыла громадная голова с вытянутой зубастой пастью. Она была повернута в профиль и покрыта крупными чешуйками, как у рептилии. А еще украшена роговыми наростами.

Неведомый зверь, кем бы он ни был, прижался к окну, заглядывая внутрь одним глазом. Глаз был размером с крупное яблоко, прозрачно-желтый, с узким вертикальным зрачком.

И смотрел прямо на Таю.

Пару минут они молча пялились друг на друга, потом глаз моргнул третьим веком и исчез.

Тая выдохнула, чувствуя, как внутри все опускается.

Вот, что и требовалось доказать.

Крейн по-своему понял ее реакцию.

– Не бойся, он не тронет тебя.

Но она об этом даже не думала. Ее мысли занимало другое. Гораздо легче было убедить себя в том, что сошла с ума, чем в том, что попала в другой мир.

Господи, да какой другой мир?!

Весь разум Таи восставал против такого насилия. Она не была поклонницей фэнтези и слыхом не слыхивала о разного рода «попаданцах», населявших современную литературу. А все ее знакомство с драконами ограничивалось попыткой посмотреть фильм «Эра драконов». Попыткой, потому что тот фильм показался Тае полной ерундой, и она его бросила на середине.

Тая читала только журналы по рукоделию и кулинарии, да еще смотрела различные ток-шоу и сериалы на канале «Россия». Она была хрестоматийной домохозяйкой и никак не могла попасть в другой мир.

Ну никак!

И все же это случилось.

Теперь можно было сколько угодно кричать и топтать ногами, требуя, чтобы ее вернули назад...

Только куда «назад»?

К мужу, которому она не нужна? К новым выматывающим попыткам обрести женское счастье?

Руки девушки машинально легли на живот.

Нет, она не готова расстаться с этим подарком. Ведь это подарок же? Она не отдаст его никому.

Та, в чье тело она попала, не хотела, чтобы этот ребенок родился. Крейн прав: та девушка пыталась покончить с собой и убить младенца.

Но Тая не та, Тая – другая.

Пусть она попала в чужой непонятный мир, пусть здесь у нее нет никого кроме нелюдимого отшельника и еще неродившегося малыша, пусть она не знает, что ждет впереди...

Но в одном она может поклясться уже сейчас: она не даст своего ребенка в обиду.

Дарг – не дарг, какая разница? Это ее малыш!

Она бросила быстрый взгляд на Крейна.

Крейн тоже дарг, но выглядит вполне по-человечески. Одна голова, две руки, две ноги. Очень даже симпатичный мужчина. Если бы еще улыбался, вообще стал бы неотразимым!

Одно только покоя не дает: почему при мысли об отце ребенка ее охватывает леденящая дрожь? А присутствие Крейна наоборот, она чувствует душевный комфорт? Стоит ли довериться своей интуиции?

Наверное, стоит.

Тая не отвела глаз под пронизывающим взглядом Крейна. Только облизнула пересохшие губы.

– Вы сказали, что отец ребенка придет за ним, – ее голос был твердым, но внутри все сжималось. – Как он узнает, где я?

– Почувствует. Когда младенец родится, его отец почувствует это.

Потом его взгляд посуровел.

– Ты боишься его?

– Опасаюсь, – она уклонилась от прямого ответа. Не стоит пока раскрывать свое «попаданское» происхождение. Мало ли, вдруг этот Крейн решит, что она не в своем уме, он и так на нее странно смотрит. Как голодный на котлету.

– Не стоит. В моем доме тебе ничто не грозит.

Она недоверчиво хмыкнула:

– Ну да... А если он придет не один?

– Это не имеет значения. Если ты попросишь моего покровительства, ни один дарг в Латгейре не посмеет к тебе прикоснуться. А другие сюда не суются.

Глава 6

Ее огорошило его заявление. Что значит «попросить покровительства»? Она должна принести ему клятву верности, расписаться кровью в каких-то бумагах или заложить душу?

Но все оказалось куда проще. Таю даже охватило легкое разочарование, когда Крейн не потребовал ничего сверхъестественного.

Но, тем не менее, его последующие слова заставили ее сердце забиться быстрее.

– У тебя нет брачной вязи на запястьях, – задумчиво сообщил он, разглядывая ее. – Значит, я могу считать тебя свободной женщиной, без покровителя-дарга.

– То есть незамужней? Вы предлагаете мне выйти за вас замуж? – уточнила она, скептически хмыкнув.

– Не в том смысле, который ты вкладываешь в него.

– А в каком?

– Я предлагаю покровительство. Но не претендую на твое тело. Если мы сочетаемся браком по нашим законам, любой дарг будет знать, что у тебя есть сильный покровитель.

– Значит, фиктивный брак, – Тая кивнула. Его мысль была ей понятна. – Что ж, это вполне логично. Но что ты получишь взамен?

Брови Крейна удивленно взлетели вверх: странная дева, дарг ей предлагает покровительство, без претензий на ее тело, а она беспокоится, что он получит взамен.

– Ребенок, – ответил сухим тоном. – Я хочу, чтобы он выжил.

Тая выдержала его взгляд.

– У меня есть время подумать?

– Да. Только недолго.

– Мне хватит пяти минут.

Да и чего тут думать? Она словно попала в чужую страну, без знания языка. Да еще на ней лежит ответственность за ребенка. Ей нужен кто-то, кому бы она могла доверять. Кто-то, на кого она сможет положиться в любой ситуации. И лучше, если это будет приятный сердцу мужчина.

Из дневника Крейна она поняла, что в близлежащих землях женщин не слишком-то берегут. И покровительства им не предлагают.

Вот уже больше ста лет Обсидиановые крали девушек направо и налево. Они возвели это в ранг достижений, а особой доблестью считалось умыкнуть невесту прямо из-под венца, на глазах у перепуганной толпы.

Похищенные красавицы становились трофеями, которыми можно было похвастаться, обменять, подарить. Эти девушки были наложницами даргов, бесправными и несчастными. Они зависели от решения своего господина, но не могли претендовать на его покровительство и защиту. Они безропотно принимали жестокую «любовь» даргов, и исправно рожали им сыновей...

Тая не планировала становиться одной из них. Чем ждать, пока какой-то моральный урод заявит права на нее, не лучше ли самой побеспокоиться о своем положении?

Она искоса бросила на Крейна оценивающий взгляд.

Суровое лицо, плотно сжатые губы, прямой взгляд без улыбки. Немногословный, но надежный, как танк. Такой не станет ухаживать за тобой, ему незнакомо слово «романтика», но рядом с таким можно не думать о завтрашнем дне. Он позаботится и о хлебе насущном, и о крыше над головой.

Крейн был как каменная стена. И Тая решилась.

– Я согласна. Что надо делать?

– Ждать рассвет. Но хочу сразу предостеречь. Люди сочетаются браком на всю жизнь, а мы живем в пять раз дольше вас. И за свою жизнь дарг может похоронить нескольких жен. Поэтому, тебе не стоит строить иллюзии и привязываться ко мне, чтобы потом не страдать. Я не хочу разбить твое сердце. Но если ты согласна, я буду заботиться о тебе и ребенке. И защищать.

Тая откашлялась. К известию о таком долгожительстве она была не готова.

– Подожди... Что значит «в пять раз дольше»? Разве женщины вашей расы не живут столько же?

Он ответил не сразу. Словно думал, а стоит ли вообще отвечать. Потом все же сказал:

– У нас нет своих женщин. Мы берем в жены человеческих дев.

И Тая на секунду показалось, что она увидела в его глазах скрытую боль. Но развивать эту мысль и лезть ему в душу она не стремилась.

У этого мужчины были свои скелеты в шкафу. Много скелетов. Но ее они не касались. У нее тоже есть прошлое, которым она не готова делиться, так пусть же каждый из них остается при своих интересах во имя общего блага.

Разговор был окончен, решение принято, и Крейн вернулся к своему занятию. Несколько минут Тая наблюдала, как он разделывает заячью тушку. Ловко это у него получалось. Потом осмелилась снова заговорить:

– Что это будет?

– Еда.

– Это я понимаю. Но что именно ты собираешься приготовить?

Теперь, когда вопрос об их браке был делом решенным, она посчитала, что имеет право обращаться к нему на «ты». Он только хмыкнул в ответ на ее слова и ничего не сказал.

Но Тая не собиралась сдаваться.

– Из зайчатины можно приготовить очень много вкуснейших блюд. Например, заяц, тушенный со сладким перцем и специями в стакане сухого вина. М-м-м, объедение, – она закатила глаза и облизнулась, всем своим видом демонстрируя, как это вкусно. – Или в пивном соусе с карамельной репой и жареными маслятами...

– Хватит!

Не скрывая раздражения, Крейн бросил нож и посмотрел на нее.

– Чего ты хочешь, женщина?

Она улыбнулась, не скрывая триумфа.

– Во-первых, меня зовут Тая. Постарайся это запомнить, или мне придется обращаться к тебе «мужчина».

Крейн угрюмо нахмурился, но смолчал. Только многозначительно сложил руки на груди.

– Во-вторых, – продолжала она, игнорируя этот жест, – раз уж ты предложил мне и ребенку свое покровительство, так дай же и мне ответить добром. Мы оба выиграем, если попробуем наладить контакт. И вообще, беременным вредно волноваться, – выдала девушка железный аргумент. – Ты же не хочешь опять вытаскивать меня с того света?

Она увидела, как его правая бровь скептически приподнялась. Но выражение лица не изменилось.

Несколько минут он разглядывал ее с таким видом, будто решал, а не стоит ли зажарить на ужин одну болтливую женщину, вместо зайца.

Потом произнес:

– Ладно. Я готов выслушать твое предложение.

– Я хочу приготовить ужин.

Она снова его удивила.

Согласилась на брак, почти не раздумывая. А потом еще заявила, что он должен обращаться к ней по имени. Она ничуть его не боялась, и это было для Крейна странным и непонятным.

Эту женщину похитили из родного дома, неизвестно сколько держали в плену, насиловали, против воли сделали матерью. Еще пару дней назад она сбежала от своего мучителя и пыталась покончить с собой, чтобы убить ребенка от ненавистного мужчины...

А сейчас она спокойна и рассудительна, как ни в чем не бывало.

Крейн ожидал, что Тая станет шарахаться от него, как от приспешника Халла. Но она и здесь его удивила. Его прикосновения не вызывали у нее отрицательных эмоций, он знал это точно, потому что чувствовал эмоции через ее дитя.

Да еще и манера речи у нее совсем не похожа на ту, к которой он привык. Ни одна из женщин, попадавших к нему на пути, не рискнула бы сказать даргу «я хочу». Она сказала бы: «если вы позволите».

Тая, похоже, этих правил не знала.

Весь день он наблюдал за ней, пока она пританцовывала у печки с ложкой в руках. И молча помогал, когда она просила подбросить дров, принести воды, найти нужные специи.

Со специями вышла заминка.

Едва получив «добро», Тая устроила на кухне ревизию. Обнаруженные трофеи заставили ее скептически поморщиться, но какая русская женщина не сумеет сварить кашу из топора?

Горсточка бобов, пара сухих листочков лаврового дерева, какие-то корешки, в которых она признала петрушку и сельдерей. Соль, связка чеснока, горчичные зерна и тмин. В запыленных бутылках, оплетенных лозой, винный уксус и немного растительного масла.

Небогато. Но для первого раза хватит.

– Я так понимаю, бесполезно спрашивать, есть ли тут по близости магазин, – пробормотала себе под нос.

– В крепости есть несколько лавок. Что тебе нужно?

Окрыленная его тоном, Тая начала диктовать, загибая пальцы:

– Картошка, морковь, капуста, лук...

Крейн покачал головой:

– Капусту и все остальное найду. А вот кар... тошка, – он с заминкой произнес незнакомое слово. – Что это?

– Ну, клубни такие, крахмалистые. В земле растут. Их и варить можно, и жарить.

– У нас в земле репа растет. Еще брюква.

Таю охватили смутные подозрения.

– А томаты? Красные, круглые, в огородах растут.

Он снова покачал головой.

Она начала перечислять, убеждаясь в своих подозрениях больше и больше:

– Кукуруза, кабачки, тыква? Та-а-ак, значит, на кофе рассчитывать тоже не стоит.

Вот так попала. Похоже, здесь растут знакомые фрукты и овощи, но не те, что когда-то завез в Европу Колумб.

– Ладно, – тряхнув головой, Тая решила не унывать. В конце концов, от картошки толстеют, а кофе беременным вреден! – Ужин готов.

Крейн настороженно опустился за стол, на котором дымились две серебряные тарелки с полустертыми гербами Обсидианового клана. Когда-то он засунул их с глаз долой, а Тая, наводя ревизию, нашла, отскоблила и заявила, что не желает есть из глиняной посуды, если имеется такая красота.

Он хотел убрать их назад, но почему-то передумал. Эта женщина не уставала его удивлять. Он еще ни разу не видел, чтобы так готовили зайца. Она разделала тушку на крупные

куски и на два часа сунула под гнет в смесь воды и уксуса, а сама занялась проверкой его запасов. Потом достала вымоченное мясо, обмыла, сделала в нем надрезы и хорошенько натерла солью с толченым чесноком, тмином и растертыми горчичными зернами. Дала ему настояться еще с полчаса, и только тогда отправила на огонь.

Дарги привыкли к тому, что зайца нужно просто освежевать, насадить на вертел и зажарить на открытом огне. Именно так он собирался сделать и в этот раз. Если бы эта женщина не вмешалась.

Пока заяц тушился, она понемногу добавляла в него то воду, то масло, то уксус. И все время пробовала. Казалось, сам процесс доставляет ей удовольствие.

– И как?

Крейн очнулся. Гхарровы яйца, он и не заметил, как умял всю тарелку. Еще никогда зайчатина не казалась ему такой сочной и нежной...

Он оторвал взгляд от пустой тарелки.

Тая сидела, поставив локти на стол, и пытливо смотрела ему в рот.

– Ну? – настойчиво повторила она.

Настырная женщина!

– Есть можно.

Ее щеки вспыхнули гневным румянцем, в глазах засверкали молнии, а рот сжался в упрямую полоску. Казалось, еще немного – и она выскажет все, что вертится на языке.

Но Тая сумела сдержаться. Пожала плечами и чуть насмешливо произнесла:

– Вот и отлично.

Крейн почувствовал, как внутри шевельнулось странное чувство. И с удивлением понял: ему было приятно ее поддразнить. И приятна ее реакция.

Но дотемна нужно было покончить с еще одним делом.

– Будешь спать здесь, – он кивнул на топчан.

– А ты?

– Я – на лавке.

Тая окинула его придирчивым взглядом, потом оценила размер лавки и хмыкнула:

– Хозяин-барин.

Нет, она вовсе не собиралась предлагать ему разделить с ней топчан. Ей и одной там было тесно. Но то, что он и сам не стал претендовать на ночлег под одним одеялом, только добавило ему очков в ее понимании.

– Это ненадолго, – добавил Крейн, по-своему поняв ее скептицизм. – В доме есть свободные комнаты, но туда давно никто не входил.

– И мебель есть? – тут же откликнулась Тая.

– Да.

– Я хочу...

– Не сейчас, – он покачал головой. – Уже поздно. И ты потратила много сил. Отдыхай, я разбужу тебя ближе к полуночи.

– Зачем?

Он криво усмехнулся, глядя ей прямо в глаза:

– Чтобы стать моей женой, ты должна провести со мной всю ночь с полуночи до рассвета. И не спать. Только тогда наш брак будет законным.

Глава 7

Тая прищурилась.

– Хочешь сказать, мы должны...

– Нет. Просто не расставаться всю ночь и не спать.

Девушка выдохнула, чувствуя облегчение.

Да, она согласилась на этот фиктивный брак, как на единственный выход. Но не готова прыгнуть в постель к мужчине, которого видит первый раз в жизни.

Она и без этого сможет его приручить. Недаром же говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

Правда, стоило об этом подумать, как память тут же подкинула картинки из прошлого. Виктор, ее супруг, очень любил поесть. И она, как образцовая женушка, готовила для него, старалась. Даже в кулинарную школу записалась, получила диплом.

Ларка посмеивалась: «Давай уже, открывай ресторан. Будешь шеф-поваром».

Сытый Витя добродушно похлопывал жену по крутому бедру: «Женщины в бизнесе это нонсенс. Никаких ресторанов. Таечка рождена для плиты».

И глупая Тая радовалась, смотрела на мужа щенячьими глазами, не подозревая, какие интриги он плетет у нее за спиной.

Сытому Вите быстро наскучила его невысокая, пухлая женушка со склонностью к полноте. После нескольких лет гормонотерапии, ее талия оплыла, фигура отяжелела. Теперь она выглядела старше сверстниц и перестала его привлекать. Он исправно ел, хвалил приготовленные ею блюда, целовал в лоб и уходил в ночь. Якобы по работе.

Возвращался через день или два, с масляным огоньком на дне глаз. И все начиналось по новой.

Теперь, оглядываясь назад, Тая не понимала, как же она могла быть такой душой? Как могла не заметить очевидных вещей?

Может, просто не хотела их замечать?

Для нее это случилось вчера. И сердце по-прежнему ныло. За последние пятнадцать лет у нее не было никого, кроме Вити...

Думать о предательстве того, кому ты доверяла, было очень и очень больно.

Между тем, Крейн уже начал воплощать свои слова в жизнь. Вытянулся на лавке, подмостив под голову свернутую куртку, сложил руки на груди и закрыл глаза.

Его ноги, обутые в сапоги, выглядывали с другой стороны.

Тая посмотрела на лампу. Масла в ней оставалось совсем чуть-чуть, фитилек обещал погаснуть в любой момент. Но от мысли, что придется остаться в темноте, девушку пробрала неприятная дрожь.

Раньше она не замечала у себя страха перед темнотой. Это было что-то новенькое.

– Эй, – тихонько позвала она. – Ты что, уже спишь?

Крейн и бровью не повел.

Сев на топчан, Тая вздохнула и посмотрела в окно.

Во дворе быстро темнело. Она не могла определить время, не имея часов. Но внутренний компас показывал, что не больше шести. Спать вроде рано, а больше заняться не чем.

Решившись, она перебралась поближе к окну.

Села, удобненько примостив живот на колени, оперлась спиной о стену, и тоскливо уставилась на пустынный двор.

Мысли, как заведенные, возвращались к тому, что случилось. Стоило расслабиться, и перед глазами возникало виноватое лицо мужа или притворно сочувствующее – Ларисы. Тая

не верила ни в его чувство вины, ни ее жалость. Она решила, что ей нужно забыть о них. Вычеркнуть из памяти, будто этого эпизода никогда не было в ее жизни.

Лучше подумать о настоящем, чем мучить себя прошлым, которое все равно нельзя изменить.

А в настоящем у нее было новое тело. Молодое, здоровое, судя по ощущениям, и беременное. Девушка чувствовала себя, что называется, кровь с молоком, а живот не доставлял дискомфорта.

Тая прикинула свой новый рост и вес, и решила, что они немногим отличаются от ее прежних параметров. Только теперь лишние килограммы заменял хороший такой животик, в котором билось крошечное сердечко.

Забывшись, она положила руки поверх живота. Погладила. Изнутри откликнулась еще не рожденная жизнь, и Тая почувствовала, как ее губы сами собой разъезжаются в глуповатую улыбку, а глаза становятся мокрыми от набежавших слез.

Это были чистые слезы. Они текли по ее щекам, унося с собой призраков прошлого. И Тая не спешила их вытирать.

Впервые в жизни она поняла, что значит плакать от счастья.

Не важно, что ждет впереди. Тая не спешила заглядывать в будущее. Важно сберечь то, что имеешь сейчас.

Не важно, что будет завтра. Сейчас у нее есть крыша над головой, мужчина, готовый о ней позаботиться, и ребенок, которому нужна мать. Она все выдержит, ко всему привыкнет, со всем разберется. Не может быть, чтобы взрослая женщина двадцать первого века не смогла реализовать себя в этом средневековье.

При этой мысли, Тая невольно покосилась на ружье, оставленное Крейном в углу.

М-да... Не такое уж тут и средневековье.

Похоже, она задремала, потому что вздрогнула, вываливаясь в реальность, когда кто-то дотронулся до нее. Сердце сжалось испуганной птичкой и внутри все обмерло.

Мужчина. Сильный, опасный. Он надвигался на нее из темноты с неотвратимостью рока. Он нес с собой боль и страдания...

Она распахнула глаза.

Морок рассеялся. В свете масляной лампы над ней застыл Крейн.

– Господи! – выдохнула она. – Разве можно так пугать?!

Тот внимательно посмотрел на нее:

– Я тебя напугал?

– Да! Я чуть богу душу не отдала.

Тая ждала, что он извинится. Но, похоже, Крейн даже не подозревал, что на свете есть такие слова, как «извини» и «прости».

Вместо этого он отступил, убирая руки за спину.

– Пора.

Тая неловко поднялась, накидывая на плечи стеганую телогрейку. К ее сожалению, у Крейна не нашлось женской одежды, даже сорочка, которую он ей пожертвовал, оказалась мужской ночной рубахой. Ему она была до колен, ее закрывала почти по пятки – удобная вещь.

– И что же мы будем делать всю ночь до рассвета? – осведомилась девушка, окидывая сонным взглядом полутемную комнату.

– Что угодно, только вдвоем.

– Это такой обычай, да? – она зевнула, прикрывая ладошкой рот. – А просто немного поспать мы не можем?

Его взгляд потемнел.

– Нет. Богов нельзя обмануть.

– Ну ладно, – Тая сдалась.

Позевывая, потащилась к столу, по пути расплетая растрепавшуюся косу. Всегда восхищалась девушками, что сумели отрастить длинные волосы. Не зря же говорят, что коса – девичья краса. Только в суматошном темпе двадцать первого века длинные косы стали редкостью, требующей уйму внимания.

Здесь же ей торопиться некуда. Вся ночь до утра, чтобы сидеть и неспешно расчесывать волосы. Заодно можно попробовать сплести из волос что-нибудь необычное и вспомнить мастер-классы, которые она время от времени смотрела по телеку.

Тая любила делать что-то руками. Готовить, вязать, плести косы. Ее сердце навсегда было отдано вологодскому кружеву, но она не чуралась и всего остального. Она относилась к числу тех женщин, у которых в руках все горело. Каждый день открывала для себя новые схемы и техники, бралась за самые экзотические рецепты, а ее домашнее вино выходило куда лучше магазинного.

Она была не слишком подкована в науках и вряд ли смогла бы сейчас решить уравнение с двумя неизвестными или доказать теорему Пифагора. Но мужчине, который сидел рядом с ней, это было не нужно.

Сам того не замечая, Крейн пожирал Таю глазами.

Как давно он сидел вот так, рядом с женщиной, которая не боится его, не вздрагивает, не шарахается с ужасом в глазах?

Очень давно. Он уже забыл это чувство.

Откинувшись так, чтобы его лицо оставалось в тени, он ловил каждый ее жест, каждый вдох. Следил, как размеренно поднимается грудь, вторя дыханию. Вот его льняная сорочка обтягивает ее, подчеркивая пышные формы при каждом вдохе. Шевелятся пухлые губы, что-то беззвучно шепча. Тонкие пальцы ловко перебирают пряди волос, сплетая из них что-то смутно знакомое...

Тая хмурилась, чувствуя на себе его взгляд. Но молчала. Это был взгляд голодного зверя, в чьи лапы попала добыча. Рассудком она понимала, что должна бояться его, не доверять. Но внутренний голос подсказывал: Крейн никогда не притронется к ней, если она сама того не захочет.

Тая не знала, откуда в ней эта уверенность, и не хотела задумываться над этим.

– Что ты делаешь?

Крейн первым нарушил тишину.

К этому времени они уже просидели друг напротив друга около часа.

– Пытаюсь заплести косу. Но без расчески это сделать почти невозможно.

К ее удивлению, он вдруг поднялся. Вышел из комнаты. Тая замерла, вслушиваясь в его шаги, которые становились все дальше.

Где-то наверху скрипнула дверь. Значит, ей не показалось, что у дома два этажа...

Спустя десять минут Крейн вернулся. Как ни в чем не бывало, протянул ей гребень потрясающей красоты.

– Подойдет?

Он держал в руках настоящее произведение искусства: хрупкий ажурный гребешок, вырезанный неизвестным мастером из черепахового гребня. С инкрустацией из розового жемчуга и длинными тонкими зубцами.

Но сил, взять эту красоту, у нее уже не нашлось. Она только и смогла что кивнуть, в немом изумлении рассматривая гребешок.

Пожав плечами, Крейн положил гребень на стол и хотел уже сесть на свое обычное место в тени стены, как Тая остановила его.

– Подожди, – забывшись, она накрыла его руку своей. – Можешь меня... расчесать?

В его глазах вспыхнуло изумление, смешанное с надеждой, которую тут же сменила привычная холодность.

Внезапно смутившись, Тая убрала руку.

– Волосы длинные, – она сама не знала, зачем начала оправдывается, – а спина что-то побаливать стала. Неудобно.

Крейн не ответил. Он вообще, как поняла Тая, не любил говорить лишних слов. Вот и в этот раз он просто молча встал у нее за спиной. И только потом она услышала его хриплый, чуть сдавленный голос:

– Я должен дотронуться до тебя.

– Э-э-э... могу я узнать, зачем? – от изумления она развернулась к нему.

– Я могу убрать боль, – пояснил он, – но мне нужно дотронуться до места... которое болит.

– Пожалуйста...

Тая даже указала на поясницу, где ее беспокоили неприятные тянущие боли с тех пор, как в полудреме привиделся темный мужчина.

– Я должен прикоснуться к голой коже...

На секунду она пожалела о том, что пожаловалась ему. Теперь придется задирать рубашку, демонстрировать голый зад. А вдруг он так ее соблазняет?

Да нет... он же и в самом деле почти вытащил ее с того света, сохранил ребенка...

Тая кусала губы, не решаясь ни выполнить его просьбу, ни отказаться от помощи.

А с другой стороны, чего ей стесняться? Зады-то у всех одинаковые. Что-то новое Крейн вряд ли увидит. Тем более, такая толстая тетка с огромным животом, лезущим ей на нос, вряд ли может рассматриваться как сексуальный объект.

И вообще, он сейчас не мужчина. Он врач. А у врачей пола нет.

Решившись, она задрала рубаху и быстро уселась на лавку, чтобы Крейн чего лишнего не заметил.

Когда руки коснулись ее обнаженной спины, Тая вздрогнула, инстинктивно изгибаясь под ними. И едва не застонала.

Прикосновения Крейна были скупыми, осторожными и точными. Он не лапал, как опасалась Тая. Но в то же время от его ладоней по ее телу разлилось приятное тепло, и с этим теплом не хотелось расставаться.

И ребенок. Каким-то шестым чувством она поняла, что ему это тоже нравится. Что ее малыш тянется к этим рукам...

– Все.

Она настолько погрузилась в свои ощущения, что не сразу очнулась.

– Правда, – удивленно прислушалась к себе. – Не болит. Как ты это сделал?

– Это драконья магия.

Тая с трудом сдержала изумленный выдох.

Ну да, а чего удивляться? Драконы есть, почему не может быть магии?

– А я могу так научиться?

Он бросил на нее удивленный взгляд.

– Нет. Ты же не дарг.

– Значит, только дарги так могут?

– Не только. У эльфов тоже есть магия, но другая. И живут они на другом континенте.

В Ламаррии их не жалуют.

– А люди? У людей есть магия?

– Где ты жила, что не знаешь элементарных вещей?

– Э-э-э... – Тая на секунду зависла, придумывая правдоподобный ответ. Раскрываться она пока не хотела. – В очень глухой деревне.

– Но читать ты умеешь, – хмыкнул Крейн, и Тая поняла, что он ей не поверил.

– С чего ты решил?

– Моя книга. Она лежала не так, когда я пришел.

Тая одарила его смешливой улыбкой:

– Я там картинки искала.

Несколько минут он просто смотрел на нее, впитывая эту улыбку и озорной блеск в глазах, потом, чувствуя непривычную неловкость, сказал:

– Ты еще хочешь, чтобы я тебя расчесал?

Глава 8

Живя в мегаполисе, Тая никогда не задумывалась над тем, что свет городских огней затмевает небо и звезды, а высотные здания не дают рассмотреть горизонт. Ей и в голову не приходило, как много она потеряла, ни разу не увидев рассвет наяву. Ни одна из фотографий, в каком бы расширении она не была сделана, ни одно видео не могли передать завораживающей красоты восходящего солнца.

Но нужно было увидеть это своими глазами, чтобы понять.

Когда пришло время, Крейн набросил ей на плечи свою меховую куртку и позвал за собой. Чувствуя, как внутри все замирает в ожидании и волнении, Тая вышла из комнаты. За дверью ее ждала еще одна комната, но пустая и неприветливая, с заколоченными окнами, и широкий коридор, упирающийся в крыльцо.

– Я должен взять тебя за руку, – предупредил Крейн.

Тая безбоязненно протянула ему ладонь.

Странное дело, этот мужчина вызывал у нее разные чувства, но страха и недоверия среди них не было. Она не знала его, не знала, на что он способен. Но в одном была твердо уверена: если бы он хотел сделать ей что-то плохое, то уже сделал бы сотню раз.

Улица встретила мягким морозцем. Высокий забор закрывал двор от леса, но над домом уже разливалась заря. Серое небо медленно наливалось румянцем, и в свете первых солнечных лучей Тая увидела иней, серебрящийся на пожухлой траве.

Осень. Или ранняя весна. Спрашивать, какой нынче месяц, она не рискнула. Вдруг, тут и месяцы не такие, как там, на Земле...

И тут же возникла новая мысль: она в параллельной реальности или вообще на другой планете?

Крейн отвлек от раздумий. Он вдруг шагнул ближе. В его глазах светилась решимость, а челюсти были сжаты с такой силой, что на шее натянулись толстые жилы.

Одним движением он выхватил гребень из ее прически, заставляя волосы рассыпаться по плечам, и заговорил тихим, но твердым и властным тоном:

– Я, Крейнеррин Ринвальдир Даберрон из клана Обсидиановых, наследный лаэрд Латгейра, по собственной воле оставивший титул и земли, перед лицом земли, неба, духов предков и всех живых заявляю права на эту деву и нарекаю ее своей супругой здесь и сейчас. Если кто-то желает оспорить мой выбор, пусть назовется!

Тая застыла, внимая этим словам. Его тон пробирал до нутра, заставляя трепетать каждую струнку в ожидании чего-то необыкновенного. Она буквально чувствовала, что должно случиться нечто особенное, почти сказочное или...

Ну почему же «почти»?

Она ведь и так уже в сказке с магией и драконами. И пусть эта сказка пока не слишком веселая, но в ее силах все изменить!

Замолчав, Крейн снял с себя цепочку, на которой висел ключ от книги, завязал узлом, оставляя достаточную петлю, и уложил на голову девушки так, что цепочка пересекла ее лоб.

Потом нагнулся, заглядывая Тае в лицо.

– Я должен скрепить наш брак поцелуем.

Очарованная темнотой его глаз, она смогла лишь приоткрыть губы, но слова застыли на языке. Голова закружилась. Тае вдруг показалось, что она смотрит в бездну с большой высоты, и эта бездна становится все ближе и ближе с каждым ударом сердца...

С окаменевшим лицом, Крейн прикоснулся к ее губам. Всего на мгновение – и отпрянул. Она даже не успела понять, что это было. Только почувствовала мимолетное прикосновение обветренных, по-мужски твердых губ.

А потом кожа на ее запястьях вдруг потеплела и зачесалась.

Тая растерянно посмотрела на руки. Из-под покрасневшей кожи пробивался темный рисунок.

– Что это? – выдохнула одними губами.

– Брачная вязь. Теперь ты моя жена, – ответил он хриплым тоном.

Позже, когда они уже вернулись в дом, Крейн объяснил, что такие рисунки на запястьях – прерогатива Обсидианового клана. Он не знал, почему.

В прошлом, до того, как драконы пришли в этот мир, до того, как утратили своих женщин, такие рисунки были у всех, вступающих в брак. Но потом что-то случилось. Драконицы перестали приносить дочерей. Сначала на это не обратили внимания, а когда спохватились, было уже поздно что-либо предпринимать.

Постепенно женщины даргов исчезли, оставив своих мужчин в одиночестве. Тогда-то и было принято решение искать мир, способный дать вымирающей расе новую жизнь.

Они нашли такой мир. Дали ему название Алланайрис – обетованный. Пытались его подчинить, но, в конце концов, были вынуждены смириться с тем, что они здесь не хозяева. После долгой и жестокой войны заключили перемирие с теми, кто жил здесь до них – с людьми.

Слабые люди, не обладающие ни регенерацией даргов, ни магией, ни их долголетием, оказались единственной расой, чьи женщины им подошли.

Но и здесь их ждала неудача. Дети рождались не в каждом браке: если в девушке не было особой «искры», она не могла понести от дарга. И как ни старались они, к каким ухищрениям ни прибегали, как ни пытались перехитрить природу – все равно, боги не давали им дочерей.

Это было проклятием и наказанием. Но дарги к нему привыкли.

– Значит, у меня будет сын? – прошептала Тая, потрясенная его рассказом.

Крейн хмуро взглянул на нее, осознавая, что все это время говорил вслух.

– Да.

Девушка погладила живот. На ее губах расцвела улыбка:

– Надо придумать ему красивое имя...

– Ты не можешь его назвать.

– Почему? – она искренне удивилась. – Я же мать.

Он покачал головой.

– Ты сосуд, вынашивающий новую жизнь. Но эта жизнь принадлежит даргам.

Эти слова Тае совсем не понравились. Она вздернула подбородок.

– Хочешь сказать, что в этом ребенке не будет ничего от матери?

– Ничего от людей.

– Бред! Посмотри на себя. Ты ничем не отличаешься от обычных мужчин. Ни рогов, ни хвоста не вижу. И вообще... – она вызывающе прищурилась, – если ты дракон, то где твои крылья и чешуя?!

Его лицо потемнело.

Тая почувствовала надвигающуюся грозу, но забирать слова назад было не в ее стиле. Уперев руки в бока, она осталась стоять.

– Хочешь увидеть мою чешую? – прошипел Крейн, возвышаясь над ней. Он говорил зло, отрывисто, бросая слова как плевки сквозь сжатые зубы. – Хочешь увидеть крылья?

– Да!

– Что ж, ты их увидишь.

И Тая увидела.

Сначала у нее на глазах лицо Крейна подернулось рябью. Черты потекли, изменяясь, кожа вдруг стала серой и грубой, а потом из-под нее начала появляться самая настоящая чешуя. Черная. Блестящая. Как антрацит.

Эта же чешуя залила шею дарга и его руки – все места, где была открытая кожа. И Тая не сомневалась, под одеждой у него то же самое. А потом за его спиной что-то взметнулось темным плащом – и пропало.

Тая моргнула. Крейн стоял в полушаге от нее, совершенно невозмутимый.

Такой, как всегда.

Ни крыльев, ни чешуи.

– Что это было? – выдавила она, чувствуя внезапный озноб, и обхватила себя руками.

– Ты хотела увидеть дракона. Я тебе его показал.

– Н-но...

– Нет, обратиться полностью я не смогу. Никто из Обсидиановых не сможет. То, что ты видела – всего лишь эхо запечатанных сил.

С того момента Тая окончательно и бесповоротно поверила, что попала в другой мир. Незнакомый, странный, чужой, таящий в себе опасность для одной глупой человеческой женщины, не умеющей ничего, что могло бы помочь ей выжить.

Но она не собиралась опускать руки. У нее было все, что нужно для жизни, и она спешила воспользоваться этим с умом.

Для начала, как истинная женщина, она заручилась защитой мужчины. Теперь следовало найти к этому мужчине подход.

Довольно быстро Тая догадалась, что Крейн не слишком-то жалуется женщин. И что на это у него есть причина. Но докапываться до истины она не рискнула. Не после того случая, как он продемонстрировал ей свой истинный облик.

Вместо этого она занялась домом и, особенно, кухней, решив, что даже такой нелюдимый отшельник, как Крейн, не устоит перед ее стряпней.

Уже на следующий день, устав от ее бесконечных «когда» и «хочу», он снял ставни со всего первого этажа и позволил Тае пройти по пустым, заброшенным комнатам.

Комнаты были большими, а когда-то и светлыми. Сейчас же в них пахло сыростью и затхлостью, углы затянула густая паутина, а мебель в чехлах производила унылое впечатление.

Но если здесь хорошенько прибрать, отмыть окна, повесить шторы, переставить комод вон туда, а эти кресла сюда...

Глаза Таи сверкали, собираясь лишиться покоя и старый дом, и его хозяина.

– Почему они все закрыты? – удивлялась она.

– Мне хватало одной.

– А почему теперь ты решил их открыть? Потому что я попросила?

Он абсолютно спокойно ей отвечал:

– Я понял, что мне нужна отдельная комната.

– Почему?

– Потому что ты слишком болтлива.

Когда он отворачивался, она строила ему в спину рожицы и шептала под нос: «бе-бе-бе!».

Откуда взялось это ребячество, Тая понять не могла. Но в нее словно вселился дух озорства. Ей хотелось бегать по этим комнатам, срывая чехлы, передвигая мебель. Надраивать окна и пол, гонять паутину. Она ощущала себя юной девчонкой, которой даже большой живот не был помехой. А дом представлялся ей старым больным существом, которое только и ждало ее прихода.

Она чувствовала, что должна его вылечить, должна разбудить. Что-то внутри этого дома звало ее. Где-то там, в глубине комнат, под тоннами пыли и мусора, билось живое сердце.

Делая скидку на свое положение, Тая приступила к выполнению плана. Прошло несколько дней – и первый этаж засверкал чистотой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.